

Я видел Ленина**

Я видел Ленина один только раз: в Кремле во время конгресса Коминтерна осенью 1922 года***. Тогда еще невозможно было понять весь огромный размах дела Ленина — Октябрьской революции; старый мир был неприятно поражен происшедшим, но еще не испытывал такого панического ужаса перед революцией, как сейчас. Революция, казалось ему, — только гигантский эксперимент: она вызвала расстройство капиталистического производства и некоторое уменьшение барышей; пожалуй, правильное всего было бы ее придушить, но рано или поздно она сама обанкротится. Крупные капиталистические державы были полны противоречий, вызванных их собственной конкуренцией; новое пролетарское государство, конечно, мешало им в их игре, но они еще не слышали доносившегося оттуда погребального звона по старому миру. Даже II Интернационал еще не уразумел, что на карту было поставлено и его существование.

Сейчас дело Ленина выросло и охватило весь мир. Нет ни одного сколько-нибудь значительного для человечества события, которое не было бы связано с Лениным и революцией. Мир сегодняшнего дня содрогается в смертельной борьбе; в муках рождается будущее. Но кто тогда, кроме Ленина, предвидел это? Мы, участники конгресса, собравшиеся со всех концов земли; немецкие и скан-

* Мартин Андерсен-Нексе (1869–1954) — датский писатель, основоположник датской пролетарской литературы, участник IV конгресса Коминтерна, один из создателей Коммунистической партии Дании.

** Воспоминания «Я видел Ленина» написаны в 1940 г. И опубликованы в журнале «Интернациональная литература» (1940. № 3–4).

*** Речь идет о IV конгрессе Коминтерна. — *Ред.*

динавские рабочие, негры, египетские феллахи и индийские кули, — все мы верили в дело нового мира и в Ленина. Но сам он знал с непоколебимой уверенностью, что победа придет, и отчетливо видел путь к ней.

Вот это-то и отличало его среди огромного, пестрого собрания делегатов, где было немало ясных умов. Это чувствовалось во всем его простом облике, совсем не таком, каким обычно представляют себе облик великих мыслителей, — это отражалось и в его речи. Мысль Ленина текла, ясная и прозрачная, и тогда, когда он касался величайших проблем человечества и показывал наглядно для каждого, что будущее неизбежно и прочно развивается из настоящего. Казалось, он жил всеми человеческими жизнями. Он знал положение во всех странах, судьбы бедняков и применяемые в каждой стране методы эксплуатации; и он показывал нам, как развивались эти методы вплоть до настоящего времени. Это была наука, но совершенно особая и новая: она не пахла книгой, а была самой жизнью; она освещала судьбу и промышленного рабочего, и кули, и швеи, и подметальщика улицы. История человечества, сама история человеческой культуры представала перед нами из речи Ленина.

— Вот это настоящий человек, — шепнул мне рабочий-норвежец. — И как он похож на любого из нас, только в тысячу раз зорче! Накануне этот норвежский товарищ был у Ленина и ознакомил его с положением в Норвегии.

— Но Ленин знал об этом больше моего; да и о Дании тоже. Ваших мелких крестьян он сравнил с собакой цыгана, впряженной в тележку, перед которой подвешен кусок мяса; собака тянется за ним, но никак не может схватить его. Так ваши крестьяне, их жены и дети тянутся из последних сил, надрываются, работая на капитал; им внушили, что они — маленькие помещики, или, как выразился Ленин, «помещики в миниатюре».

— Как ты обращался к нему? — спросил я норвежца.

— Конечно, я говорил с ним на «ты». Я не хотел обидеть его!

Сама внешность Ленина, его простота обличали в нем человека нового времени. Разговаривая с ним, каждый, самый простой человек чувствовал, что перед ним один из тех необыкновенных людей, кто рождается раз в столетие, а может быть, и в тысячелетие; и этот редкостный человек, здороваясь с ним за руку, говорил: «Расскажи мне что-нибудь о себе, о своей жизни».

Ленин, который был умнее всех, чутко прислушивался к голосу и биению сердца простых людей, учился у них, возвышал их самих и их дела, показывал, что рядовой человек и его труд — основа жизни. Уже одно это было наградой за тысячелетнее прозябание;

никогда раньше не стоял перед простым людом человек, так хорошо знавший его жизнь, как Ленин.

Поэтому Ленин всегда занимал особое место в сердцах рабочих, и никакая травля и клевета не могли изменить их отношения к нему. Даже самые забитые и отсталые оживляются, их глаза блестят, когда произносится имя Ленина.